

На правах рукописи

ЕГОРОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕНТИНОВНА

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ
СОВРЕМЕННЫХ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВЫХ ТЕКСТОВ**

Специальность 10.02.01 – Русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Ижевск 2009

Работа выполнена в Орском гуманитарно-технологическом институте (филиале) Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Оренбургский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Флоря Александр Владимирович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, доцент
Воронцова Татьяна Александровна
кандидат филологических наук, ст. научный
сотрудник
Душенкова Татьяна Рудольфовна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Оренбургский государственный педагогический университет»

Защита состоится 26 января 2010 г. в 13.00 на заседании диссертационного совета Д 212.275.07 при ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корпус 2, 221 ауд.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Удмуртского государственного университета, с авторефератом – на сайте УдГУ www.lib.udsu.ru.

Автореферат разослан «25» декабря 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук

Медведева Н.Г.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования определяется тем, что в течение последних двадцати лет XX века происходит обогащение русского языка новой деловой лексикой, которая неполно и противоречиво отражается в толковых словарях, включая и специальные. *Недостаточность* отражения новой лексики в словарях заключается в том, что в словари, справочники, энциклопедии входит далеко не вся лексика или объясняются не все значения слов. *Противоречивость* состоит в том, что одни и те же слова в разных словарях трактуются неодинаково: не в полном объеме, с разных позиций или даже не в том значении, в каком они (слова) употребляются реально. Необходимость сопоставить словарные толкования общественно-политической терминологии – то есть лексики, претерпевшей наиболее радикальные изменения, – с тем, что она фактически означает, – одна из наиболее очевидных причин, по которым следует изучать официально-деловой стиль именно в лексико-семантическом аспекте.

Актуальность исследования мотивируется и новыми тенденциями в современной деловой речи, и не только русской. Происходит интенсивное взаимовлияние функциональных стилей, в том числе весьма далеких друг от друга – если вообще совместимых – например, официально-делового и разговорно-просторечного. А.И. Горшков отмечает: «Официально-деловой стиль замкнут, мало проницаем для других стилей. Но сам (точнее – типичные для него слова и выражения) активно проникает в (...) другие стили и в разговорный язык. Впрочем, “экспансия” элементов официально-делового стиля в последнее десятилетие, как кажется, ослабевает и уступает место “экспансии” американцев и разного рода жаргонизмов» [Горшков 2006: 271].

Исходя из слов самого ученого, официально-деловой стиль не так уж «замкнут» и «мало проницаем» для других стилей – поскольку в них оказываются типичные для этого стиля слова и выражения. Если учесть, что таких слов и выражений в целом немного, то в другие стили попадают не собственно деловые лексемы, а скорее «канцеляризмы».

В тексты официально-делового стиля включаются лексические единицы, являющиеся принадлежностью других функциональных стилей, например, вульгаризмы и американцы.

Одним из результатов этого стала экспрессивность, считавшаяся прежде нежелательной в данном стиле. «Само понятие экспрессии деловой речи является новым, выражения практически любых эмоций стали допускаться в деловой переписке сравнительно недавно, под большим влиянием американской деловой речи. Сегодня уже можно говорить о необходимости отражения авторских эмоций в определенных видах делового письма, (...) а также в письмах-претензиях и отказах. Кроме того, весь фразеологический потенциал языка, способность слов к приращению

смысла, все “модные” в разговорно-бытовой речи словечки, любые лексемы, характеризующие речь определенной социальной группы возможных потребителей товара/услуги, вне зависимости от степени соответствия строгим нормам официально-делового стиля, могут быть использованы не только в рекламных текстах, таких, как письма-предложения, но и в сообщениях, программных и проблемных письмах и других» [Каспарова 2002: 93]. К западноевропейской и американской деловой переписке «предъявляются те же требования, что и к разработкам рекламного характера» [Введенская 2001: 385], то есть в ней встречаются «цитаты из Библии, из работ западных и американских философов, стихи, народная мудрость, используемые с целью продемонстрировать красноречие и эрудицию автора» [Введенская 2001: 385-386].

Однако и в русских текстах заметна та же тенденция. Причем она не ограничивается деловой перепиской, то есть речевыми жанрами сравнительно узкой сферы, но гораздо ярче проявляется в государственной риторике (на стыке разных функциональных стилей). Поэтому целесообразно изучать взаимодействие официально-делового с другими функциональными стилями.

Об актуальности темы исследования свидетельствует и тот факт, что в связи с социальными преобразованиями в нашей стране в последнее время особый интерес вызывает деловая риторика. Как справедливо отмечает О.М. Орлов, «проблемы обучения жанрам деловой речи актуальны и для современной средней школы, где все больше появляется “экономических” специализированных классов, и для лицеев (гимназий) с углубленным изучением экономики, бизнеса» [Орлов 2003: 61].

Лингвист-педагог должен изучать официально-деловой стиль в аспекте культуры речи (этот стиль легче всего поддается культурно-речевым искажениям, превращается в «канцелярит») и объяснять будущим бизнесменам, каковы нормы деловой речи, как следует грамотно составлять документы, что в действительности означают конкретные термины, какие из них необходимы, а какие только засоряют речь и, в конечном счете, язык.

Таким образом, тема исследования **актуальна** с разных точек зрения: лексикографической (неполное и неточное отображение в словарях новой лексики, употребляемой в деловой сфере), социолингвистической (отражение в речи и языке общественных изменений), стилистической (описание новых тенденций в области официально-делового стиля) и культурно-речевой (борьба за точность, ясность и чистоту речи – в данном случае деловой), причем все эти аспекты взаимосвязаны.

Объект исследования – официально-деловой функциональный стиль на современном этапе развития русского языка.

Предмет изучения – лексико-семантический и словообразовательный уровни современного официально-делового стиля. (Второй неизбежно затрагивается в связи с первым, хотя играет лишь

подчиненную роль по отношению к нему. Речь идет о семантической деривации, образовании новых слов на основе заимствованных, а также об аббревиатурах.)

Научная новизна диссертации определяется изучением лексики, освоенной официально-деловым стилем в течение последних двадцати лет XX века, а также уточнением термина «канцелярит», введенного К.И. Чуковским.

Цель исследования – анализ современного состояния лексики официально-делового стиля как отражения общественного менталитета (относящегося к социально-политической сфере фрагмента языковой картины мира).

Задачи исследования:

- 1) конкретизация состава лексики, входящей в тексты официально-делового стиля, включая относящиеся к нему субстили;
- 2) разграничение лексических пластов, в различной степени типичных для официально-делового стиля (органичных преимущественно для него, связывающих его с другими функциональными стилями, проникающих в него из других функциональных стилей);
- 3) выявление семантических особенностей этой лексики;
- 4) описание лексики субъязыковых систем, связанных с официально-деловым стилем, но не относящихся к нему. («Субъязык» – термин Ю.М. Скребнева. Стилистика, по его определению, – «лингвистика субъязыков» [Скребнев 1985: 7-8]).

Методы исследования: индуктивный (изучение конкретного текстового материала), сопоставительный (сравнение дефиниций слов из различных словарей), описательный (раскрытие закономерностей функционирования лексических единиц в различных условиях), контекстологический (изучение лексики с учетом как узкого контекста, то есть ближайшего окружения единицы, так и широкого – стилистического дискурса эпохи); целостный и выборочный анализ текстов. В диссертации также анализируются микротексты, то есть фрагменты деловых документов, где элементы различных языковых уровней пребывают в конвергенции (сходятся, усиливают друг друга, работают на одну и ту же задачу). Обращается внимание и на соответствие лексем из официально-деловых документов материалам словарей – толковых, энциклопедических и специальных.

Теоретическая значимость работы состоит в развитии концепции функциональных стилей, характеристике официально-делового стиля – его структуры и лингвистических особенностей (преимущественно лексико-семантических), в разграничении официально-делового стиля и канцелярита как псевдостилевого феномена.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы в курсах стилистики, культуры речи, спецкурсах по социолингвистике и лексикографии.

В качестве **материала** для анализа используется, во-первых, лексика текстов деловых документов (содержащихся в справочно-правовой системе «Гарант»), регулирующих политическую, экономическую, юридическую сферы общественной жизни (основные жанры: доклады, законы, инструкции, обращения, письма, послания, постановления, правила, приказы, распоряжения, указания, указы); во-вторых, тексты словарных статей специальных (юридических, экономических, финансовых) и общеязыковых словарей (иностранных слов, толковых). Проанализировано 390 лексических единиц, включая 138 слов и 252 аббревиатуры. Для выявления контекстного окружения выбранных единиц производился поиск по принципу сплошной выборки (с указанием даты) в текстах 617301 документа.

Весь материал прошел обработку через словарный фонд. В работе использованы следующие словари: Большая экономическая энциклопедия, Большой академический словарь русского языка (под ред. К.С. Горбачевича), Большой иллюстрированный словарь иностранных слов, Большой юридический словарь (под ред. А.Я. Сухарева), Большой юридический словарь (В.Н. Додонов), Иллюстрированный толковый словарь современного русского языка (В.В. Лопатин), Популярный словарь русского языка (А.П. Гуськова), Словарь русского языка (под ред. А.П. Евгеньевой), Словарь современного русского литературного языка (под ред. В.И. Чернышева), Словотолкователь 32000 иностранных слов, вошедших в состав русского языка, со значением их корней (И.Е. Бурдон), Советский энциклопедический словарь, Современный финансово-кредитный словарь (под ред. М.Г. Лапусты), Современный экономический словарь (Б.А. Райзберг), Толковый словарь русского языка (под ред. Б.М. Волина), Толковый словарь русского языка (С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова), Толковый словарь современного русского языка (под ред. Г.Н. Склеревской), Финансовый словарь и другие.

Новые слова, употребляемые в текстах официально-деловой сферы, изучаются в функционально-стилевом, семантическом, лексикографическом, лексикологическом и лингвокультурологическом аспектах.

Гипотеза исследования: официально-деловая лексика активно пополняется при взаимодействии данного функционального стиля с другими – научным, публицистическим, просторечно-разговорным.

Положения, выносимые на защиту:

1. Официально-деловой стиль – открытая субъязыковая система, активно взаимодействующая с другими функциональными стилями и не остающаяся индифферентной к изменениям в языке в российском языковом сознании.

2. От официально-делового стиля следует отличать канцелярит, играющий по отношению к нему роль псевдостиля.

3. Активное пополнение официально-делового стиля, происходящее в субстилевой и интерстилевой зонах (источниками которого служат все остальные функциональные стили, включая разговорно-просторечный), проявляется прежде всего на уровнях лексики и семантики.

4. Лексика официально-делового стиля пополняется преимущественно за счет заимствований из других языков (в основном из английского), в том числе с частичной словообразовательной адаптацией.

5. Лексемы и обороты, даже часто и регулярно употребляемые в деловых текстах (например, научные и профессиональные термины в медицинской, технической и другой документации), не обязательно принадлежат официально-деловому стилю и могут существовать в нем на правах ситуативной или даже спорадической (возникающей от случая к случаю) лексики.

6. Значения лексем, употребляемых в официально-деловом стиле, имеют специфику в сравнении с их употреблением в других речевых сферах.

7. В течение последних двадцати лет XX века в текстах официально-делового стиля возникают не только лексико-семантические, но и экспрессивные видоизменения, что для текстов данного стиля прежде не было характерно.

Основное содержание диссертации отражено в 13 публикациях, в том числе 1 статья – в Вестнике ЧГПУ, рекомендованном ВАК.

Диссертация обсуждалась на заседании кафедры русского языка, теории и методики обучения русскому языку Орского гуманитарно-технологического института (филиал) ГОУ ВПО «Оренбургский государственный университет».

Структура работы

Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка (196 наименований) и четырех приложений, включающих список неологической банковской и общественно-политической лексики, употребляемой в ОДС, отраженной в словарях (390 лексических единиц); приказ Московской западной таможни от 9 июня 1998 г. № 129 «О значении сокращенных слов, понятий и обозначений»; распоряжение Главы администрации Оренбургской области от 6 октября 2003 г. № 486-р «О рассмотрении исходных данных и отдельных показателей проекта бюджетов муниципальных образований на 2004 год»; статью «Слова – «кентавры». Общий объем диссертационного исследования составляет 229 страниц печатного текста.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность выбранной темы; определяются цели и задачи исследования; характеризуются предмет и объект исследования; отмечается научная новизна работы, ее теоретическая и практическая значимость; указываются методы исследования; формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Теоретические основы исследования. Характеристика официально-делового стиля. Новая лексика. Эмотивность речи» раскрывается смысл понятия «функциональный стиль» (ФС) и подробно рассматриваются особенности официально-делового стиля (ОДС). Его характеристика позволяет различать употребление анализируемой лексики в ОДС и сходных с ним, но не тождественных ему контекстах. В исследовании использована стилистическая концепция А.В. Флори [Флоря 2003б : 53].

Сфера функционирования ОДС – «административно-правовая деятельность и отношения между субъектами права: гражданами и государством, частными лицами и юридическими лицами, должностными лицами в той или иной организации, между юридическими лицами» [Радугин 2004: 129]. Искусство, философия, наука для него малоактуальны, идеология релевантна, религиозные аспекты типичны для церковной документации. Тематика – не ограничена, так как регулироваться государством могут все сферы действительности. Целеустановка текстов – сообщение с последующим побуждением к действию (то есть к исполнению предписаний). Основная функция – информативно-регулятивная. Каналы связи: печать, СМИ и другие (в целом – все возможные средства коммуникации). Адресаты – частный человек, коллектив, население страны, государственные деятели, общественные и политические организации (в том числе иностранные и международные). Адресанты – официальные лица, коллективы, организации, государственные структуры. Можно условно сказать, что тексты ОДС обладают «презумпцией анонимности» [Флоря 2003: 53]: даже если текст подписан, то чаще всего он имеет номинального автора. Он либо персонифицирует текст, составленный помощниками, либо пользуется готовыми языковыми клише. Этим обусловлена максимально объективная позиция текстов ОДС, в них отсутствует или редуцируется индивидуальное начало. Формы контакта – опосредованные, преобладают письменные и печатные тексты. Основная форма функционирования – письменная, возможна и устная – выступления государственных и общественных деятелей на торжественных собраниях, заседаниях, приемах (в данном случае используются элементы публицистического ФС, что ведет к отступлению от канонов). Преобладающие типы текстов – сообщение, описание. Главные коммуникативные качества –

правильность, точность, чистота, уместность.

Субстили ОДС: собственно деловой (приказы, объявления, служебные письма, резолюции, протоколы, обращения, справки, решения, доверенности, декларации, уведомления и тому подобное), дипломатический (ноты, верительные грамоты, декларации, консультационные конвенции, коммюнике, обращения, пакты, послания, статуты и другие), юридический (законы, хартии, реестры, основы законодательства, кодексы, уставы), финансово-экономический (прейскуранты, бизнес-планы, финансовые отчеты и другие), инструктивный (технические, медицинские и другие наставления, указания, инструкции, методические рекомендации, методические указания, нормативы, нормы, регламенты, рекомендации, технологии, правила, сборники инструктивно-методических материалов). **Интерстили** возникают чаще всего на стыке с наукой (официально-научный и научно-деловой) и языком СМИ.

Для ОДС типично **включение в него различных терминов** – юридических (аренда, валидация, хищение), банковских (авизо, актив, гудвил), общеэкономических (акциз, аусортинг). Иные термины – медицинские (гельминты, энтеробиоз), технические (блок питания, бета-излучение, винчестер) – существуют в его составе как **диффузные элементы**: они могут включаться в официально-деловые тексты, но не становятся принадлежностью самого ОДС. В этом стиле важное место занимает **пласт номенклатурной лексики**. К ней относится номенклатура наименований: *ООО «Экспертиза собственности», АООТ «Челутайлес», ГТК* (Государственный таможенный комитет РФ), *ГАК* (Государственный антимонопольный комитет РФ), комиссия по трудовым спорам, комитет по независимой оценке результатов исследования; должностей: *медиабайер, контент-менеджер, мерчендайзер, креативный директор* и другие.

Специфически проявляется и **заемствованная лексика**. Если, например, в научном ФС преобладают термины греческого и латинского происхождения, то в ОДС – **американизмы**. Впрочем, от них могут образовываться слова с греческими и латинскими префиксами.

В **сфере словообразования** ОДС характеризуется использованием общекнижных аффиксов. В текстах встречаются слова с иноязычными префиксами и префиксOIDами (то есть морфемами, обладающими полузнаменательным значением и занимающими промежуточное положение между корнями и приставками), – чаще всего это лексемы и термины, заимствованные из научного ФС: *апатриd, антидемпинг, бипатриd, демаркация, дезавуировать, инкриминировать, интеракционализм, инфраструктура, квазисудебный, координация, макроэкономика, микроэкономика, оппозиция, псевдоэкспорт, ревальвация, субаренда, суперарбитр, транснациональный, экстерриториальность* и другие.

Более распространенным, по сравнению с другими ФС, **морфологическим способом словообразования является аббревиация**:

ГКВТП (Государственный комитет по военно-технической политике), *КФМ* (Комитет по финансовому мониторингу) и тому подобное, причем выбираются стандартизованные варианты: например, не просто «*ОГТИ*», а «*ОГТИ (филиал) ГОУ “ОГУ”*», то есть Оренбургский гуманитарно-технологический институт (филиал) государственного образовательного учреждения “Оренбургский государственный университет”. Эта особенность – дифференциальный признак ОДС.

Для корректной лингвистической характеристики ОДС необходимо отличать его от **канцелярита** (термин К.И. Чуковского), на поверхностный взгляд, близкого к нему, а в действительности радикально ему противоположного и чуждого. Для К.И. Чуковского канцелярит – нормальный официально-деловой стиль, употребляемый не по назначению. В диссертации он трактуется иначе.

Для автора диссертации в концепции канцелярита особенно существенно следующее.

1. Канцелярит – не разновидность ОДС, а извращенное, доведенное до абсурда представление о нем (по терминологии А.В. Флори, канцелярит – псевдостиль ОДС). Канцелярит лишь поверхностно напоминает ОДС, отличаясь от него по существу.

2. Как и ОДС, канцелярит не ограничивается областью деловой документации, однако направления взаимодействия этих субъязыков с другими речевыми сферами различны. Канцелярит, будучи маргинальным, неорганичным для деловой речи, стремится выйти за ее пределы – в научную (а чаще – в псевдонаучную), разговорную, рекламную речь, СМИ и художественную (вернее – псевдохудожественную) литературу. Для ОДС более характерна противоположная тенденция: он принимает в себя – обычно в качестве диффузных – элементы научной, публицистической, художественной и разговорной речи.

3. В стилистической системе канцелярит и ОДС квалифицируются по-разному. Канцелярит сам по себе является псевдостилем и остается им при выходе за рамки деловой речи. При взаимодействии ОДС с инородными элементами возможны два варианта: а) если ОДС составляет лингвистическую основу текста, в который включаются отдельные инородные элементы, то последние мы будем считать диффузными в рамках одного ФС – официально-делового; б) если текст создается на грани разных функциональных стилей, то мы имеем дело с *интерстилем*, по терминологии А.В. Флори – промежуточной системой, для которой элементы, не относящиеся к ОДС, уже не будут диффузными, чужеродными. Такими интерстилями чаще всего бывают: научно-деловой и официально-научный, публицистико-деловой и официально-публицистический (в зависимости от преобладающего субстрата: ему соответствует второй компонент названия интерстиля - например: научно-деловой – деловой с научным оттенком и т.д.).

4. Канцелярит, будучи патологией сам по себе, в еще большей степени аномален при проникновении в другие речевые сферы (хотя сам стилистический эклектизм ограничен именно для канцеляриата). В свою очередь, для ОДС включение инородных диффузных элементов естественно и нормально, поскольку этот стиль может регулировать самые разнообразные виды человеческой деятельности.

5. Канцеряриту свойственна ущербная или негативная функциональность: он не способствует передаче информации, затрудняет этот процесс или искажает информацию (в этом – по К.И. Чуковскому – иногда и состоит его основное назначение: препятствовать коммуникации). Картина взаимодействия канцеляриата и ОДС с другими речевыми сферами различна. Канцелярит затемняет или разрушает смысл научных, публицистических и других текстов. Напротив, грамотно построенные и семантически корректные тексты ОДС (или интерстилей, включающих ОДС) становятся более конкретными и коммуникативно полноценными за счет включения инородной лексики – прежде всего терминологии.

Итак, канцелярит – это псевдостилевой феномен, проникающий, главным образом, в виде разрозненных вкраплений во все функциональные стили и отличающийся от ОДС понижением функциональности, шаблонностью, многословием, речевыми излишествами, стилистическим эклектизмом и неоправданной эмотивностью.

Теоретико-методологическая база отечественной неологии была заложена в XIX – начале XX вв. Ф.И. Буслаевым, Е.Д. Поливановым, А.А. Потебней, А.М. Селищевым, И.И. Срезневским, Л.П. Якубинским и другими. Как лингвистическое направление неология оформилась во второй половине XX в. и связана с именами С.И. Алаторцевой, А.А. Брагиной, Р.А. Будагова, В.К. Гака, В.И. Заботкиной, Е.А. Земской, В.Г. Костомарова, Н.З. Котеловой, В.В. Лопатина, А.Г. Лыкова, Р.Ю. Намитковой, Е.В. Розен, Е.В. Сенько, Г.Н. Скляревской, Н.И. Фельдман, Э.Н. Ханпиры и другими. Особое место среди лингвистов, занимающихся разработкой теории неологии, занимают французские ученые Б. Гарден (B. Gardin), Л. Гильбер (L. Guilbert), А. Дармстетер (A. Darmesteter), Л. Деруа (L. Deroy), П. Жильбер (P. Gilbert), М. Коэн (M. Cohen), А. Рей (A. Rey).

В данной главе в рамках «двух основных направлений в неологии (специфики обновления словарного состава и лексикографирования неологизмов) рассматриваются следующие аспекты изучения лексических инноваций:

- 1) лексикологический, уделяющий особое внимание связи языка с действительностью (А.А. Брагина, А.А. Реформатский, Н.М. Шанский, Д.Н. Шмелев и другие);

- 2) *лексикографический*, решающий вопросы описания лексических инноваций (Н.З. Котелова, Е.А. Левашов);
- 3) *лингвокультурологический*, рассматривающий неологизм как культурный феномен (Г.М. Васильева, И.П. Лысакова);
- 4) *нормативный*, анализирующий лексические инновации с точки зрения соответствия нормам языка (К.С. Горбачевич, Е.И. Степанов и другие);
- 5) *ономасиологический*, изучающий процесс перевода мысли в материальную, вербализированную (языковую) форму (О.А. Габинская, Л.И. Плотникова и другие);
- 6) *словообразовательный*, устанавливающий типичные модели новых слов, выявляющий наиболее активные элементы, звенья словообразовательной системы, определяющий деривационные возможности языка (Е.А. Земская, М.А. Золотарева, В.В. Лопатин и другие);
- 7) *семантический*, изучающий механизмы семантической деривации (Е.В. Сенько, В.Н. Сергеев и другие);
- 8) *социологический*, использующий методики социолингвистического наблюдения и лингвокультурологического анализа с выявлением закономерностей движения от социальных причин к фактам языка и от фактов языка к социальным детерминантам (И.Ф. Протченко, Е.В. Розен и другие);
- 9) *собственно психологический*, исследующий инновации в рамках теории речеобразования и восприятия речи, изучающий особенности идентификации новых слов носителями языка; в рамках данного аспекта новое слово рассматривается как единица индивидуального лексикона (Т.Ю. Сазонова, С.И. Тогоева и другие);
- 10) *функционально-стилевой и функционально-прагматический аспекты*, изучающие взаимосвязи языка и среды его функционирования, другими словами, внутренние закономерности, которым подчиняется выбор и организация лексических единиц (О.И. Александрова, В.И. Заботкина, И.А. Нефляшева и другие)» [Марьянчик 2005: 15-16].

Автор ограничивает область анализируемой лексики рамками официально-делового стиля; решением вопросов неологизации в функционально-стилевом аспекте. Неологизмы рассматриваются в лексикологическом, лингвокультурологическом, семантическом аспектах. Поскольку основные стимулы к появлению новых лексических единиц в языке – изменения, происходящие в обществе, закономерно изучение нами неологизмов в лексикологическом аспекте. Не менее важен семантический аспект, так как слово часто становится новым в результате семантической деривации (на основе метафорического употребления названия, на основе сужения, специализации или расширения объема номинации и так далее). Определяющим фактором изменения, развития языка во многом является национальная культура, особенности которой способны обусловливать

появление, исчезновение или трансформацию тех или иных языковых феноменов в соответствии с менталитетом, – из этого вытекает лингвокультурологический аспект неологии.

При отборе материала исследования важен вопрос о критериях новизны лексической единицы. В диссертации были взяты за основу функциональный, лексикографический, хронологический, экспрессивно-стилистический, статистический критерии.

В современной лингвистике существует несколько определений термина «неология».

Термин «новое слово» шире «неологии». Семантический объем «нового слова» включает неологизмы, окказиональные слова, потенциальные слова и индивидуально-авторские образования.

В понятие «новое слово» в данной работе включаются лексические единицы, вошедшие различными путями из разных источников в активное употребление в конце XX – начале XXI вв. Обозначение новыми словами новых понятий, лексикографическая неотмеченность, уникальность и немотивированность звучания и значения не считаются конститутивными признаками, но принимаются во внимание при анализе материала. Исследуемая лексика ограничивается рамками официально-деловой сферы.

Существует два основных пути появления новых слов в языке: 1) образование новых единиц и 2) вхождение в язык готовых единиц. Новые единицы создаются с помощью словообразовательных средств. К образованию новых единиц в языке ведет *семантическая деривация*. Ее результатом являются производные значения слов. Новые значения возникают на основе метафорического употребления наименования (*вирус, полигон, канал*); сужения, специализации или расширения объема номинации (*объединение, загрязнение, картинка*). Появление новых единиц в языке может быть следствием *фразеологизации сочетаний* (*выйти на финишную прямую, черная суббота, круглый стол*).

Вхождение в язык готовых единиц происходит в основном за счет *внешнего заимствования*, то есть заимствования слов (реже сочетаний слов) из других языков. В процессе *внутреннего заимствования* в лексический состав литературного языка входят слова из сферы устной речи, из русских народных говоров, из специальных языков, возрождаются в старом и новом качестве слова, употребительные в прошлом, в определенный период развития русского языка, но утратившие свою актуальность с течением времени в силу исторических, социальных, культурных процессов и изменений в обществе. Н.З. Котелова [Котелова 1982: 74] называет такие слова функциональными, или относительными неологизмами. Особое внимание в диссертации уделяется внутренним заимствованиям, происходящим на уровне функциональных стилей (ФС) языка, в результате которых лексический состав того или иного ФС расширяется и обогащается за счет языковых средств другого ФС.

При выделении новой лексики в диссертации установлены следующие конкретизаторы: *хронологический*: анализируется лексика к. ХХ – нач. ХXI вв.; *лингвопространственный*: изучается языковое пространство ОДС; *функциональный*: обсуждаются новые явления действительности, нашедшие отражение в языке.

Тексты ОДС последних двадцати лет ХХ века не только обогащаются новыми словами, но и включают в себя эмоциональные компоненты, что ранее не было свойственно данной разновидности речи. Основные источники эмоциональных компонентов в ОДС – СМИ и разговорная речь.

Во второй главе «**Характеристика лексики официально-делового стиля рубежа ХХ–ХXI вв.**» рассматриваются новые слова, многие из которых проникли в русский язык еще в советскую эпоху. Тематический состав этой лексики разнообразен. В документах 1980-х – начала 1990-х гг. встречаются самые разнообразные **термины** – **экономические, банковские и производственные**: *бартер* (1989), *конверсия* (1988), *лизинг* (1985), *листинг* (1991), *маркетинг* (1980), *менеджмент* (1990), *холдинг* (1990); **социально-политические**: *брифинг* (1984), *импичмент* (1985), *легитимность* (1991), *мониторинг* (1980); **технические**, в том числе **компьютерные**: *джойстик* (1991), *дискета* (1988), *дисковод* (1991), *дисплей* (1990), *он-лайн* (1989), *принтер* (1991), *процессор* (а также *минипроцессор*, *однопроцессорный* – 1987), *сканер* (1991), *телефакс* (1988), *файл* (1987), а также слова, соответствующие новым **реалиям**: *грант* (1991), *хоспис* (1991) и новые – иноязычные – **синонимы известных слов**: *суицид* (1988), *эксклюзивный* (1985) и многие другие. Наиболее резкие лексико-семантические изменения произошли в течение 1990-х гг., на самом деле это оказалось не столько обогащением языка словами, которых в нем раньше не было, сколько *актуализацией* уже употреблявшихся ранее терминов.

Использование слова только в профессиональной (особенно научной) речи в качестве термина – еще не свидетельство его вхождения в язык. Началом адаптации можно считать проникновение термина в другие функциональные стили.

Причем к употреблению научных и профессиональных терминов в ОДС следует относиться дифференцированно. Узко-специальная терминология естественных и «точных» наук (астрономии, физики, геологии, медицины и других) может проникать в официальные документы, регулирующие эти области человеческой деятельности, но сомнительно, что она (терминология) войдет в широкое употребление – даже если станет частотной в соответствующих документах ОДС.

Выделение неологизмов – задача весьма нелегкая. Неотражение слова в словарях советского периода не может быть достаточным основанием для этого. Лексикографические источники отстают от действительности, и нередко – весьма значительно. Слово может не

фиксируясь в них – даже в специальных словарях, – хотя де-факто употребляется много лет или даже десятилетий.

Так, например, ставшее в последние годы широко употребительным слово *дилер* (англ. *dealer* – торговец, агент), вопреки ожиданиям, известно еще с советской эпохи – судя, например, по следующему тексту: «Работник, уполномоченный на проведение валютных операций (*дилер*), при заключении сделки согласовывает с иностранным банком/брокерской фирмой основные условия сделки: вид операции (привлечение или размещение депозита), валюту и сумму депозита, сроки депозита, платежные инструкции на поставку средств, процентную ставку, а в отдельных случаях – базис для расчета процентов и ставку брокерской комиссии» (Инструкция Внешторгбанка СССР от 28 января 1987 г. № 2 «О порядке совершения Внешторгбанком СССР валютных операций». Текст инструкции официально опубликован не был). По этому примеру видно, кстати, что и другое распространенное ныне слово – *брокер* – тоже известно с советских времен.

Значительно более релевантные критерии – факт использования слова в текстах более ранней, чем наша, эпохи (до 1992 г.), но, главное – характер его употребления: контекст, актуальный смысл, стилистическая окраска, осознание новизны, необычности слова, его разъяснение (особенно в специальных и официальных текстах, создатели и читатели которых, в принципе, должны знать терминологию своей профессии).

Например, упомянутое в процитированном тексте слово *дилер* дается как редкое, экзотическое, требующее объяснения, а *брокер* (*брокерский*) – как термин капиталистической экономики.

Отражение лексемы в толковых и универсальных (не специальных) энциклопедических словарях чаще всего свидетельствует о том, что она выходит за рамки узкой (профессиональной) сферы своего функционирования и становится относительно широко употребляемой в других речевых сферах – в делопроизводстве, публицистике, СМИ, в художественной литературе, в быту. В этой роли она является неологизмом не субъязыковым, как прежде, а собственно языковым.

Характер речевой сферы, в которую мигрирует специальная лексика, может служить индикатором степени вхождения этой лексики в язык. Ее проникновение в ОДС – лишь начальная стадия адаптации, если эта лексика вообще адаптируется, а не употребляется спорадически. Зато ее широкое употребление в СМИ, художественной литературе и бытовой речи – знак ее вхождения в язык. В таких случаях особо важным дополнительным критерием служит включение слов в словари неспециального характера – толковые и энциклопедические, – то есть предназначенные для широкого круга читателей или даже для всех носителей языка.

О многом может сказать семантика слова. Если оно явно не соответствует бытовым, социальным, экономическим, политическим,

культурным реалиям и менталитету советской эпохи – это, скорее всего, неологизм.

В современном ОДС более распространена такая разновидность семантической деривации, как перенесение известных в советскую эпоху буржуазных реалий в современный российский контекст. Так произошло, в частности, со словами *автаркия* – хозяйственная политика, следствием которой становится создание замкнутого самодовлеющего хозяйства в рамках страны (или региона), разрыв традиционных экономических связей со всеми партнерами (термин употреблялся еще А. Смитом); *букмекер* – лицо, принимающее денежные ставки от игроков при игре в тотализатор, например на скачках и бегах (из документа 2002 г. по лицензированию игорного бизнеса); *гистерезис* – его можно рассматривать и как посткейнсианство (post-Kensianism) – теорию, которая оправдывает использование государственных расходов для снижения безработицы, и другие.

Отметим, что одновременно с этим происходит стихийное приспособление к новым – буржуазным – реалиям, и спонтанно возникают временные, переходные термины, далеко не всегда удачные с лингвистической точки зрения. Таковы, например, *давальческие товары* – товары, временно ввозимые из-за границы на территорию данной страны либо временно вывозимые за ее пределы для переработки с последующим возвращением в страну происхождения товара в виде компенсационных товаров. Цитата из документа: «Поставка квотируемых видов продукции сверх установленных квот может осуществляться на условиях *давальческих товаров* в соответствии с инструкцией № 01/20/5410 “Об особенностях таможенного контроля за товарами, перерабатываемыми в пределах государств – бывших субъектов СССР”, утвержденной МВЭС России и ГТК России 22 сентября 1992 года». По-видимому, это был рабочий термин эпохи «первоначального накопления».

В более поздних документах прилагательное *давальческий* встречается в составе сочетаний *давальческое сырье*, *давальческая основа*, *давальческая продукция*, *давальческая нефть*, *давальческие начала*, *давальческие драгоценные металлы*, *давальческая переработка*. Чаще всего в документах используется термин *давальческое сырье* со значением «сырье контрагента-партнера, ввозимое в другую страну с целью его переработки в готовую продукцию с последующим вывозом готовой продукции в страну владельца сырья» [СПС «Гарант» 2007].

Неологизмом оказывается хорошо известное слово, когда его семантика сужается и делается специфичной. Это происходит, например, со словом *конверсия* (лат. *conversio* – превращение, изменение). Оно многозначно, однако в официальных документах чаще употребляется как экономический термин.

В пользу определения слова как неологизма может свидетельствовать и такой формальный признак, как его неустойчивая, неоднозначная трактовка в словарях.

В частности, слово *эвтаназия* (греч. εὐ – хороший и θάνατος – смерть) понимается как «практика прекращения (или сокращения) жизни человека или животного, страдающего неизлечимым заболеванием, испытывающего невыносимые страдания, в удовлетворение просьбы без медицинских показаний в безболезненной или минимально болезненной форме, для сокращения страданий» (<http://ru.wikipedia.org>). Это слово известно еще с XVII в., когда его употребил Ф. Бэкон. В России оно встречалось еще в СМИ «перестройчной» эпохи. В СССР слово «*эвтаназия*» зафиксировано, по крайней мере, в 1990 г. – как явный неологизм, относящийся к чужой действительности [Фут 1990: 63-80].

Слово *эвтаназия* можно считать неологизмом, так как, во-первых, оно определяется в различных словарях не просто не одинаково, а с отражением или опущением существенных для него коннотаций; во-вторых, в самой этой неодинакости нет ожидаемой корреляции между детальностью раскрытия семантики слова и характером словаря. Дефиниции из неспециальных словарей могут быть более корректными, чем определения из специальных. То есть полного и общепринятого понимания термина нет даже у профессионалов (прежде всего юристов).

Неопределенность (или *недоопределенность*) слова связана с характером проявления соответствующего феномена в реальности.

Происходящие в языке изменения семантики слов, отражающиеся и в деловой речи, могут быть связаны с процессом многократной ресемантизации лексем древнего происхождения в новых социально-исторических условиях. Если они использовались в дореволюционный период, а затем были актуализованы в постсоветский (как правило, с новыми коннотациями), их можно рассматривать как неологизмы. Таковы, например, слова *магистр*, *магистратура*.

Слова, употреблявшиеся в советскую эпоху, претерпевают различные семантические изменения, в том числе за счет расширения сферы функционирования. Например, лексема *эксклюзивный* (фр. exclusif исключающий что-либо; исключительный) была известна в период «перестройки» в контекстах, связанных со СМИ: эксклюзивный материал, эксклюзивное интервью. В течение 1990-х гг. слово выходит далеко за пределы журналистско-медицинской сферы (его основное современное значение: «предоставленный только данному лицу или организации»).

Значения слов, используемых в текстах официально-делового характера, могут иметь особенности в сравнении с их употреблением в других речевых сферах. Это относится прежде всего к многозначным терминам. Например, в научном ФС они в разных значениях используются в соответствующих им науках: *конверсия* как переход одной части речи в другую – в лингвистике, *конверсия гена* – в биологии и так далее.

Специфически научные значения того же термина могут употребляться как органические компоненты в интерстилях, связанных с ОДС (хотя сомнительно, чтобы для них было свойственно его лингвистическое значение), а в рамках собственно ОДС они составляют диффузную лексику. Другие значения термина – политические, экономические (перерасчет; перевод военной промышленности на производство гражданской продукции) – типичны уже для самого ОДС. В последнем случае мы имеем дело с семантической деривацией, или спецификацией (когда в ОДС у многозначных терминов развиваются значения, характерные именно для этого ФС – политические, экономические и тому подобное).

Старые слова могут проникать в ОДС через переосмысление и введение их в новые контексты – связанные с деловой сферой. Первоначально эти слова преимущественно использовались в других областях человеческой деятельности – например, в СМИ. Они не обязательно адаптируются к ОДС и, даже при семантической эволюции, сохраняют статус диффузных – например, *дайджест* (англ. *digest* – краткое изложение), означающее 1) тип журнала, перепечатывающего материалы из других изданий в сокращенном и, как правило, упрощенном виде; 2) массовое издание, содержащее краткое адаптированное изложение популярных произведений художественной литературы – употреблялось, по крайней мере, в 1990 г., в кругу работников СМИ и сначала в качестве жаргонизма, затем приобрело статус профессионального термина и постепенно получило и более широкое распространение. Главную роль в этом сыграло утверждение и распространение самих дайджестов, пользовавшихся довольно широкой популярностью у массового читателя. Одновременно распространялось и соответствующее слово.

Пример использования в тексте ОДС: «Еженедельно для руководителя Ростехнадзора отделом по работе со СМИ и обращениями граждан выпускается дайджест по результатам мониторинга СМИ в печатных изданиях и сети Интернет» (Приказ Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору от 7 мая 2007 г. № 313 «Об утверждении Годового отчета о деятельности Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору в 2006 году». Текст приказа официально опубликован не был). Это, разумеется, собственно деловой документ, но, с другой стороны, фрагмент, в котором упомянуто слово дайджест, содержит и другие термины из сферы СМИ: само слово *СМИ*, *мониторинг*, *печатные издания*, *сеть Интернет*. Это не просто лексика и даже не только слова и словосочетания, а целостный лексический блок: «*мониторинг СМИ в печатных изданиях и сети Интернет*».

Это типичное для данной речевой ситуации стилистическое явление: *в составе собственно ОДС, а не интерстиля, диффузная лексика, мало характерная для деловой речи, как правило, выступает в аккумуляции*, то

есть концентрируется в определенном фрагменте, а не сводится к употреблению одиночных лексем.

Стабильность и консервативность ОДС проявляется и в подчеркнуто объективной позиции автора текста. Вследствие этого для ОДС нетипичны идеологические аспекты (речь идет именно об ОДС, а не об официально-риторическом интерстиле). Включающаяся в него лексика со временем претерпевает изменения, и в текстах данного стиля, не безучастных к общественным процессам и языковому сознанию общества – в том числе к его идеологическому слою.

Наблюдается диспропорция между толкованием слов, связанных с идеологией общества или способных ее отражать. В словарях эти коннотации обычно отображаются, особенно с течением времени, с утверждением буржуазных отношений и пропагандой соответствующей идеологии (например, лексемы *менеджмент*, *спекулянт*, *экстрасенс*).

Так, слово *спекулянт* в России воспринималось негативно даже в досоветскую эпоху. В словаре В.И. Даля дается, на первый взгляд, вполне объективное и нейтральное определение *спекуляции*, а также связанных с ним слов: «денежное, торговое предприятие, оборот по расчету, оборот из выгоды, для барышей. *Спекулировать*, считать на что, рассчитывать; идти на предприятие либо делать обороты для наживы, из барышей. *Спекулятор*, -риша, предприимчивый, оборотливый человек, в торговых, промышленных делах» [Даль 2003]. Однако в структуру значения этих слов входит сема «барши», и в том же словаре соответствующие слова комментируются откровенно негативно: *барши* – «прибыль, польза, выгода, *нажива*, прибыток, нарост, *корысть*; избыток, остаток; выгода при купле и продаже, в торговле, оборотах, промыслах; всякая нежданная, случайная прибыль; (...) *Барышник* м. *барышница* ж. вообще, *мелочной торгаши*, скупщик, *перекупщик*, переторговщик, *кулак*, *маклак*» [Даль 2003]. Заметим, что разные значения слова *спекуляция* у В.И. Даля не разграничиваются, в отличие от толкового словаря С.И. Ожегова (1997) и академического словаря (1985-88). В толковом словаре С.И. Ожегова *спекулянт* – «1) человек, который занимается спекуляцией; 2) делец, который занимается биржевыми спекуляциями», в академическом словаре – «1) тот, кто занимается спекуляцией; 2) тот, кто строит свои планы, расчеты на чем-либо, пытается использовать что-либо в *корыстных целях*». В этих словарях слово имеет два значения, причем второе – оценочное и порицающее. У В.И. Даля – одно значение, зато с явным отрицательным оттенком.

В экономическом (1999) словаре термин *спекуляция* имеет значение: «биржевая, валютная – купля-продажа акций, облигаций, валюты с целью получения прибыли», то есть индифферентно, чему удивляться не следует, так как словарь – специальный. Зато в энциклопедический словарь «Экономика и право» (2000) и в юридический (1997) словарь могла бы быть включена, по крайней мере, социально-правовая оценка спекуляции,

которая в 1990-е гг. перестала квалифицироваться как уголовно наказуемое деяние. Но в указанных словарях таких оценок нет, зато подчеркивается *законный* характер этой деятельности. В «Экономике и праве» *спекулянт* – «лицо, занимающееся спекуляцией на бирже, *законный* участник сделок на большинстве рынков», в юридическом словаре – «лицо, занимающееся рискованными операциями на бирже с целью получения прибыли от разницы между покупной и продажной ценой (курсом); *законный* участник сделок на большинстве рынков». В других словарях эта лексема описывается нейтрально, безоценочно – как в финансовом (1999) – «юридическое или физическое лицо, заключающее сделки в целях получения прибыли только от изменения цен; на биржах употребляется также в значении, противоположном хеджеру», в словаре иностранных слов (2004) или индифферентно и тавтологично, через круг в определении – как в толковом словаре Г.Н. Склеревской (2005): «1) тот, кто занимается спекуляцией; 2) тот, кто профессионально занимается спекуляцией».

В ОДС слово *спекулянт* употребляется скорее в качестве архаизма – или даже историзма, так как встречается еще в советском тексте – в значении «уголовный преступник»: «(...) лицам, совершившим такие деяния, в особенности злостным хулиганам, взяточникам, спекулянтам, организаторам и активным участникам преступных групп, рецидивистам назначаются иногда явно несправедливые вследствие мягкости наказания» (Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 29 марта 1991 г. № 1 «О ходе выполнения постановления Пленума Верховного Суда СССР от 29 июня 1979 г. «О практике применения судами общих начал назначения наказания») В более поздних деловых текстах мы не обнаружили оценки спекуляции как уголовного преступления, то есть употребление слова в данном случае корреспондирует с его словарным толкованием.

В документах идеологические коннотации могут проявляться, но чаще отсутствуют по двум причинам: а) в силу малой релевантности идеологии для собственно ОДС (вне сферы воспитания, пропаганды) – этот стиль чаще регулирует конкретные практические проблемы; б) идеологические коннотации в текстах подразумеваются, они латентно содержатся в словах, тогда как в словарях они эксплицированы.

Среди лексических новаций последних 10 лет все больше наблюдается проникновение в тексты ОДС редкой, специфической терминологии: *эскроу, спред, стрэдл, стрип, стрэнгл*.

Например, *стрэдл* – биржевой термин «двойной опцион». В экономическом (1999) словаре указанное слово определяется как «1) сочетание одновременной покупки одного товара и продажи другого; 2) соглашение, предоставляющее право держателю ценных бумаг продавать или покупать их по определенной цене». Более детальное определение дает энциклопедический словарь «Экономика и право» (2000): «1) сочетание одновременной покупки одного товара с продажей другого (на товарных рынках); 2) соглашение, представляющее держателю ценных

бумаг право продавать или покупать их по определенной цене (на рынках акций); 3) при сделках по опционам – двойной опцион или стеллажная сделка, дающая держателю ценных бумаг право их купить или продать по определенной цене; 4) двойной опцион с одновременной покупкой или продажей пут-опциона и колл-опциона с разными ценами реализации (при этом цена реализации пут-опциона обычно ниже цены реализации колл-опциона)». То же содержание, но в более лаконичной форме, излагается в юридическом (1997) словаре: «1) на товарных рынках – сочетание одновременной покупки одного товара с продажей другого; на рынках акций – соглашение, предоставляющее держателю ценных бумаг право их продавать или покупать по определенной цене; 2) при сделках по опционам – двойной опцион или стеллажная сделка, дающая держателю ценных бумаг право их купить или продать по определенной цене».

По происхождению это – английские жаргонизмы метафорического типа: *стрэдл* (англ. *straddle*) буквально означает: широкая расстановка ног, *стрэнгл* (*strangle*): удавка, *спред* (*spread*): нить, *стрип* (*strip*): лента, *стрэп* (*strap*): ремень. Это подчеркивает крайнюю сомнительность их терминологического статуса. В советские времена такая лексика – причем не в полном объеме – могла появиться в весьма неожиданном источнике – «Англо-русском словаре» В.К. Мюллера. Например, слово *straddle* имеет одно из значений: «3. бирж. двойной опцион, стеллаж», а кроме того – «2. амер. разг. колебания, двойственная политика».

Приведенные примеры типичны еще и в другом отношении: в документах и/или словарях они определяются через другие заимствования, которые считаются (без достаточных оснований) уже освоенными языком.

Новые слова в текстах ОДС возникают не только через заимствование и ресемантизацию (причем, как правило, тоже заимствованных слов), но и путем аффиксации, с образованием «гнезд» – обычно малых: *абстиненция* – *абстинентный* – *постабстинентный* (медицинские термины), а также *фьючерс* – *фьючерсный* или *фьючерский*, (банковские термины) и так далее.

Для нашего исследования гораздо более актуальна **аббревиация**. Стремление к лаконичности обусловливает обращение текстов ОДС к аббревиатурам, сложносокращенным наименованиям. С помощью аббревиатур создаются термины. В текстах документов наиболее распространена буквенная аббревиация, хотя в них используются и сложносокращенные слова. В современных документах сокращению подлежат наименования общественных коммерческих и некоммерческих организаций: *ОПИ* – Организация предпринимателей инвалидов; конкретных предприятий, компаний: *ГНК* – Гатчинская нефтяная компания; предприятий с указанием на форму собственности: *АОЗТ* – акционерное общество закрытого типа; структурных подразделений: *ОДТО* – отдел документального таможенного оформления; отдельных документов: *OTC* – Отраслевое тарифное соглашение; терминов

(принадлежность диффузного лексического пласта): *АВПД* – аномально высокое пластовое давление. Существует ряд документов, регламентирующих использование аббревиатур, содержащих списки аббревиатур, их расшифровку и указание на сферу употребления.

В конце XX вв. в текстах документов появляется большое количество аббревиатур, отражающих новую экономическую ситуацию в стране (в скобках указаны годы употребления слов в ОДС): *ГКО* – государственные краткосрочные облигации (1991), *ЗСТ* – зона свободной торговли (1992), *ОЭЗ* – особая экономическая зона (1993) и многие другие.

Одной из особенностей функционирования аббревиатур в текстах документов является их **омонимия**: *АСП* – аналоговые системы передачи (1990) и автономный сейсмический пункт (1994), аналог собственноручной подписи (1998), антистатическая присадка (2000), автоматическая система пожаротушения (2006) и многие другие.

Нередки в текстах документов **какофонические аббревиатуры**: *ВТСС* – вспомогательные технические средства и системы (2006), *ВЧВС* – Виртуальная частная вычислительная сеть (2006), *ХСТ* – хранилище свежего топлива (1997), *ЩРК* – щит радиационного контроля (1997); особенно труднопроизносимые названия организаций: *ГКЦПС* – Государственный координационный центр поиска и спасания (1993) и другие.

В ОДС могут употребляться и **голофрастические аббревиатуры**, равнозначные стандартным оборотам: помимо традиционных «*и т.д.*», «*и т.п.*», «*с.г.*», встречаются и менее распространенные – *ДМН* – до минования надобности (1995), *ДЗН* – до замены новыми (1995).

Таким образом, можно говорить о следующих особенностях функционирования аббревиатур в современных текстах ОДС: расширение случайной омонимии аббревиатур, наблюдавшейся еще в советскую эпоху; тенденции к эвфонии и какофонии, но к первой – в меньшей степени. Обращают на себя внимание а) разнохарактерность аббревиатур (собственно лексика ОДС, потенциальная лексика, диффузная лексика) и, соответственно, б) разнородность источников аббревиатур (деловые документы, техника, производство и прочее).

В последние годы в ОДС проникли и так называемые **«агглютинативы»** типа «*арт-директор*» или «*топ-менеджер*». В.Г. Костомаров сравнивает подобные конструкции с тюркскими изафетами [Костомаров 1999: 266]. Распространены в нем и **«словакентавры»**, состоящие из аббревиатуры, оформленной латиницей, и кириллического (не обязательно русского) основного слова – с элементами *PR*: *PR-акция*, *PR-услуга*, *PR-проект*, *PR-технология*, *PR-менеджер*, *PR-кампания*; *VIP*: *VIP-зал*, *VIP* – *обслуживание*, *VIP-услуга* и даже безграмотный тавтологический гибрид *VIP-персона* и тому подобное. Это явление свидетельствует о жаргонизации, оправдании, а не о демократизации ОДС, постепенно утрачивающего свою

терминологическую строгость и определенность. Все подобные лексемы – заимствованные англицизмы, то есть не имеют отношения к собственно словообразовательному уровню русского языка.

Деловая, административная сфера коммуникации наиболее далека от экспрессивности. Но на стыке с ораторской речью, то есть в области интерстиля, и прежде всего на стыке с политической риторикой, экспрессемы широко распространены и, более того, неизбежны.

Однако они проникают и в тексты, в которых преобладает ОДС, – например, в государственные документы.

Автор приходит к выводу, что повышение экспрессивности текста за счет публицистических элементов не обязательно происходит в результате стилистической гибридизации – то есть в публицистico-деловом интерстиле, – но и в рамках самого ОДС.

Непосредственное наблюдение над текстами официально-делового стиля выявляет следующие **закономерности употребления экспрессивных средств** в нем:

1. Экспрессемы, встречающиеся в ОДС, бывают и книжного (*богатые демократические традиции, политически ангажированный, совпадающий с буквой и духом закона, элементарная логика, большой общественный резонанс*), и разговорного (*дежурно, лазейка, разнобой, на скорую руку, закрыть глаза на*) происхождения.

2. В ОДС слабо выражено личностное, «авторское» начало, хотя субъективизм и эмотивность ему не чужды. Поэтому если в тексте встречаются лексемы с сильной эмоциональной окраской, повышенной экспрессивностью, она значительно ослабляется из-за их банальности, трафаретности. *«Красноречивое свидетельство»* на самом деле не красноречиво, *«яркий пример»* – не ярок, выражения *«вопиющая нищета»* или *«чрезвычайные обстоятельства»* воспринимаются лишь как тривиальные фигуры речи.

3. Авербальные, паралингвистические средства малоактуальны. Они проявляются в основном в устной форме – при чтении текстов в СМИ – причем крайне бедно и однообразно (паузы, «многозначительные» взгляды).

4. В письменной форме авербалика реализуется преимущественно пунктуационно – как средство *рационализации эмоций*, – то есть не усиления их, а изоляции. Это относится прежде всего к разговорным словам или оборотам: заключая их в кавычки, авторы *демонстрируют* не только их чужеродность для ОДС, но и *свое осознание* этой чужеродности. В рамках ОДС авторы особенно остро чувствуют нарушение стандарта и заключают в кавычки слова, которых не выделяли бы в других контекстах.

5. Гендерные компоненты для данного ФС неактуальны – как вообще индивидуальность «автора».

В **Заключении** подводятся основные итоги исследования, делаются выводы в соответствии с поставленными задачами.

1. В состав официально-делового стиля (ОДС) следует включать, по крайней мере, финансово-экономический субстиль и специально-деловой (научно-деловой или профессионально-деловой) интерстиль. Между ними есть общее: использование лексических единиц, не входящих в собственно ОДС. Эти субъязыки относятся к другим областям социальной коммуникации, нежели сферы собственно ОДС (административная деятельность, управление): финансово-экономический субстиль – к банковскому делу, торговле, предпринимательству, профессионально-деловой интерстиль – к науке и производству. Финансово-экономический субстиль содержит лексику, постороннюю по отношению к собственно ОДС, но не чуждую ему, органичную для него, так как ОДС особенно близок к экономической сфере. Автор считает такую лексику потенциальной, то есть в принципе могущей употребляться в ОДС в типичных для него, широко распространенных, регулярно повторяемых ситуациях. Специально-деловой интерстиль включает в себя неограниченную для ОДС научную и профессиональную лексику. По отношению к ОДС она диффузна, то есть чужда для этого ФС, и используется в нем лишь по необходимости в конкретных случаях, конкретных ситуациях – не обязательно типичных и регулярно воспроизводимых. Для интерстиля эта лексика органична и естественна.

2. Следует разграничивать ОДС и канцелярит – псевдостилевой феномен, проникающий, главным образом, в виде разрозненных вкраплений во все функциональные стили и отличающийся от ОДС пониженной функциональностью, шаблонностью, многословием, речевыми излишествами, стилистическим эклектизмом и неоправданной эмотивностью.

3. Пополнение текстов ОДС происходит преимущественно на лексическом уровне – через заимствование слов, – которые затем могут способствовать расширению лексического состава на словообразовательном уровне – через создание гнезд, причем малых: маркетинг – маркетинговый; ваучер – ваучерный, ваучеризация.

4. Впрочем, эти процессы происходят обычно за пределами ОДС: новые слова и производные от них заимствуются из других ФС или общенационального языка (в крайнем случае могут возникать в ОДС как потенциальные слова). В рамках русского языка и самого ОДС лексика деловой сферы обогащается за счет аббревиации.

5. Активное расширение лексики деловой сферы косвенно проявляется в возникновении парономазии (брекер – брокер, демпинг – дампинг) и омонимии (АСП, ГКО, СПС и многие другие).

6. Слова, пополняющие ОДС, часто бывают ему стилистически чужды – во всяком случае, по происхождению (такие слова более характерны для интерстилей, связанных с ОДС). Они приходят в тексты ОДС из научной, профессиональной речи, зачастую – разговорной и

жаргонной. Это относится не только к диффузной лексике, но и словам, органичным для ОДС и даже прочно освоенных им.

7. Лексика, активно используемая в текстах деловой сферы в течение последних двадцати лет XX века, относится к общественно-политической, юридической, экономической терминологии (ОДС и его субстили), естественнонаучной (например, медицинской, химической, физической) и технической терминологии (в ОДС она диффузна и чаще всего появляется спорадически, для интерстилей она органична и широкоупотребительна).

8. Значения лексем, употребляемых в официально-деловом стиле, могут иметь специфику в сравнении с их употреблением в других речевых сферах. Это связано, в частности, с полисемией терминов. Например, в научном ФС многозначные термины в разных значениях используются в соответствующих им науках: конверсия внутренняя – вылет электрона из атома при передаче ему избыточной энергии атомного ядра – в физике, конверсия гена – в биологии. Специфически научные значения того же термина могут употребляться как органичные компоненты в интерстилях, связанных с ОДС, а в рамках собственно ОДС они составляют диффузную лексику. Другие значения термина – политические, экономические (перерасчет; перевод военной промышленности на производство гражданской продукции) – типичны и органичны уже для самого ОДС. В последнем случае мы имеем дело с семантической деривацией, или спецификацией (когда в ОДС у многозначных терминов развиваются значения, специфичные именно для этого ФС – политические, экономические).

9. Основным источником стилистической дисперсии (расслоения) официально-деловой речи является ее американизация.

10. В официально-деловых текстах используется экспрессивно окрашенная лексика: келейно, мягкотелость, ужасные злодеяния и другие. Употребление и этой лексики, и средств создания выразительности ограничивается определенными жанрами (послание, обращение, доклад). Она особенно типична для канцеляриста. Из выражаемых эмоций преобладают отрицательные – ирония, гнев, сарказм. Образные и выразительные средства относятся не только к лексическому, но и к фразеологическому уровню: это и отдельные слова, и речевые клише. Их основные источники – язык СМИ, разговорная речь (значительно реже) и заимствования-кальки (американизмы).

11. Исследование лексики ОДС косвенно приносит дополнительную научную пользу: дает возможность изучить уровень описания слов и выражений, недавно вошедших в русский язык (или заново актуализированных в нем), и сопоставить с их отражением в деловых текстах. При этом часто возникают несовпадения в семантической конфигурации данных слов в текстах ОДС и словарях – в том числе специальных.

12. Как было сказано, основные коммуникативные требования, предъявляемые к ОДС: рациональная стандартность; простота, точность, исключение двусмыслинности; чистота; компактность подачи материала. Но коммуникативные черты современного ОДС корректируются. Особую актуальность приобретают богатство, точность, чистота и уместность. В ОДС проникает много новых слов, преимущественно терминов, требуется их освоение, уточнение их семантики, корректное использование, при этом крайне нежелательно засорять тексты излишними – особенно двусмыслинными и непонятными – лексемами.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях:

Статьи в рецензируемых научных изданиях, включенных в перечень ВАК:

1. Егорова, Н. В. Языковые особенности официально-делового стиля [Текст] / Н. В. Егорова, А. В. Флоря // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2009. – № 5. – С. 278-288. – ISSN 1997-98-86.

Публикации в иных изданиях:

1. Егорова, Н. В. Слова-«кентавры» в текстах документов [Текст] / Н. В. Егорова // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе : сборник научных трудов / под ред. докт. филол. наук, проф. О. В. Загоровской. – Воронеж : Научная книга, 2009. – Выпуск 6. – С. 45-53. – ISBN 978-5-98222-442-2.

2. Егорова, Н. В. Тропы как один из способов образования новых терминов [Текст] / Н. В. Егорова // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. – 2008. – № 11. – С. 94-99.

3. Егорова, Н. В. Элементы официально-делового стиля в деловой риторике [Текст] / Н. В. Егорова, А. В. Флоря // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе : сборник научных трудов / под ред. докт. филол. наук, проф. О. В. Загоровской. – Воронеж : Научная книга, 2009. – Выпуск 8. – С. 110-115. – ISBN 978-5-98222-469-9.

4. Егорова, Н. В. Краткий словарь терминов и понятий [Текст] : справочное учебное пособие для студентов очной / заочной формы обучения всех специальностей / Н. В. Егорова. – Оренбург : Оренб. гос. инт менеджмента, 2007. – 28 с.

5. Егорова, Н. В. Практикум по дисциплине «Русский язык и культура речи» [Текст] : учебно-методическая разработка для студентов

очной/заочной формы обучения всех специальностей / Н. В. Егорова. – Оренбург : Оренб. гос. ин-т менеджмента, 2007. – 52 с.

6. Егорова, Н. В. Рабочая тетрадь по дисциплине «Русский язык и культура речи» [Текст] : методические рекомендации по выполнению контрольных работ / Н. В. Егорова. – Оренбург : Оренб. гос. ин-т менеджмента, 2008. – 61 с.

7. Егорова, Н. В. Лексика терминосистемы «Компьютерные технологии» в современных текстах официально-делового стиля [Текст] / Н. В. Егорова // Научный вестник Оренбургского государственного института менеджмента : сборник материалов конференции «Инновационная деятельность: наука – экономика – производство». – Оренбург : Оренб. гос. ин-т менеджмента, 2008. – С. 370-373. – ISBN 978-5-9723-0034-1.

8. Егорова, Н. В. Некоторые аспекты работы с новой лексикой в русском языке [Текст] / Н. В. Егорова // Философия. Культура. Гуманизм: история и современность : материалы международной научно-практической конференции. – Оренбург : ИПК ГОУ ОГУ, 2006. – С. 285-288. – ISBN 5-7410-0677-9.

9. Егорова, Н. В. Особенности функционирования аббревиатур и сложносокращенных слов в текстах современных документов [Текст] / Н. В. Егорова // Научный вестник Оренбургского государственного института менеджмента : сборник материалов конференции «Инновационная деятельность: наука – экономика - производство». – Оренбург : Оренб. гос. ин-т менеджмента, 2008. – С. 365-369. – ISBN 978-5-9723-0034-1.

10. Егорова, Н. В. Элементы разговорной речи и архаизмы в текстах документов [Текст] / Н. В. Егорова // Научный вестник Оренбургского государственного института менеджмента : сборник материалов международного форума «Россия как трансформирующееся общество: экономика, культура, управление». – Оренбург : Оренб. гос. ин-т менеджмента, 2008. – С. 236-239. – ISBN 5-9723-0032-7.

11. Егорова, Н. В. Понятие о квазириторике / Н. В. Егорова, А. В. Флоря // Итоговая научно-практическая конференция преподавателей и студентов : материалы в 3-х ч. – Орск : ОГТИ, 2009. – Ч. 1. Биологические, исторические и филологические науки. – С. 92-93. – ISBN 978-5-8424-0397-4.

12. Егорова, Н. В. Языковые признаки бюрократического жаргона / Н. В. Егорова, А. В. Флоря // Итоговая научно-практическая конференция преподавателей и студентов : материалы в 3-х ч. – Орск : ОГТИ, 2009. – Ч. 1. Биологические, исторические и филологические науки. – С. 93-95. – ISBN 978-5-8424-0397-4.

Егорова Наталья Валентиновна

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ
СОВРЕМЕННЫХ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВЫХ ТЕКСТОВ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано в печать 24.12.2009
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Усл. п.л. 1,4 Уч. изд. л. 1,2
Тираж 100 экз.